

Говард Филлипс Лавкрафт

Клиффорд Мартин Эдди-младший

Слепоглухонемой

(Deaf, Dumb, and Blind)

28 июня 1924 года, вскоре после полудня, доктор Морхаус остановил свой автомобиль с тремя пассажирами возле усадьбы Таннера. Недавно отремонтированное и свежеекрашенное каменное здание, стоявшее близ дороги, производило бы самое благоприятное впечатление, если бы не обширное мрачное болото позади него. Поодаль от обочины, за аккуратно подстриженной лужайкой, виднелась массивная белоснежная дверь; приблизившись, доктор и его спутники обнаружили ее распахнутой настежь. Только сетчатая дверь оставалась закрытой. Четверо мужчин хранили напряженное молчание, ибо при одной мысли о том, что скрывается в стенах дома, каждый из них испытывал смутный страх. Напряжение заметно спало, когда до слуха визитеров явственно донесся стук пишущей машинки Ричарда Блейка.

Примерно часом раньше из этого особняка с дикими воплями вылетел мужчина без головного убора и верхней одежды — он опрометью пробежал полмили и рухнул на крыльце ближайшего соседа, бессвязно бормоча что-то про «дом», «темноту», «болото» и «комнату». Доктору Морхаусу не понадобилось никаких дополнительных поводов для безотлагательных действий, когда он узнал, что из старой усадьбы Таннера, расположенной на краю болота, недавно примчался близкий к помешательству человек. Он предвидел нечто подобное с тех самых пор, когда в проклятом каменном особняке поселились двое мужчин: слуга, сбежавший оттуда час назад, и его хозяин Ричард Блейк, гениальный поэт из Бостона, который, пройдя через пекло войны с обостренными до предела чувствами и обнаженными нервами, вернулся в своем теперешнем состоянии: по-прежнему жизнерадостным, хотя и полупарализованным, по-прежнему слагающим песни в многозвучном, многокрасочном царстве своей буйной фантазии, хотя и полностью отгороженным от внешнего мира глухотой, немотой и слепотой!

Блейк всегда приходил в восторг от странных преданий и зловещих слухов, связанных с домом Таннера и прежними его обитателями. Подобные жуткие истории и темные недомолвки давали воображению богатую пищу, наслаждаться которой он мог независимо от своего физического состояния. Мрачные предсказания суеверных местных жителей не вызывали у него ничего, кроме насмешливой улыбки. Теперь, когда его единственный слуга сбежал в диком приступе панического страха, бросив своего беспомощного хозяина наедине с неведомой причиной этого страха, у Блейка осталось куда меньше оснований для восторгов и насмешливых улыбок! Так, во всяком случае, подумал доктор Морхаус, когда осмотрел невменяемого беглеца и призвал озадаченного фермера, обнаружившего беднягу у своего порога, навеститься вместе с ним в зловещий дом и выяснить, в чем там дело. Морхаусы жили в Фенхэме на протяжении многих поколений, и дед доктора участвовал в сожжении тела затворника Симеона Таннера в

1819 году. Даже по прошествии века с лишним профессиональный врач невольно поежился при мысли о слухах, связанных с упомянутым сожжением, — о наивном умозаключении, сделанном невежественными селянами на основании одной несущественной особенности внешнего облика усопшего. Он сам понимал абсурдность такой своей реакции — ибо крохотные костные шишечки на лобной части черепа ровным счетом ничего не значат и часто наблюдаются у плешивых людей.

Четверо мужчин, в конечном счете отправившихся к зловещему дому, по дороге вполголоса обменивались смутными легендами и темными слухами, почерпнутыми от своих любознательных бабок и прабабок, — легендами и слухами, которые чаще всего расходились по содержанию и почти никогда не подвергались систематическому сравнению. Самые ранние предания подобного толка относились к 1692 году, когда один из Таннеров был казнен на Висельном холме в Салеме по обвинению в колдовстве, но по-настоящему жуткий оттенок эта история начала приобретать лишь к 1747 году, когда был возведен упомянутый особняк (за исключением флигеля, пристроенного значительно позднее). Но даже в то время слухов такого рода ходило довольно мало, поскольку из всех Таннеров, слывших людьми странными, местные жители до смерти боялись лишь последнего, старого Симеона. Он произвел кое-какие работы на территории унаследованной собственности (работы самого ужасного свойства, шептались все соседи) и заложил кирпичом окна угловой юго-восточной комнаты, восточная стена которой выходила на болото. Эта комната служила Симеону рабочим кабинетом и библиотекой, и в нее вела дверь двойной толщины, окованная железом. Памятной зимней ночью в 1819 году, когда из печной трубы повалил омерзительно вонючий дым, прочную дверь взломали топорами и обнаружили за ней бездыханного Таннера с застывшей на лице жуткой гримасой. Именно из-за нее — а не из-за двух костных наростов под линией густых седых волос — тело старого Симеона сожгли вместе со всеми книгами и рукописями, найденными в кабинете... Однако автомобиль преодолел короткое расстояние до усадьбы Таннера слишком быстро, чтобы мужчины успели вспомнить и сопоставить все известные исторические факты.

Когда шедший впереди доктор открыл сетчатую дверь и вступил под своды холла, стрекот пишущей машинки внезапно прекратился. В следующий миг двоим из мужчин показалось, будто на них слабо повеяло холодным сквозняком, несовместным с исключительно жаркой погодой, хотя впоследствии они усомнились в истинности такого своего ощущения. В холле царил безупречный порядок, как и во всех комнатах, куда визитеры заглянули в поисках кабинета, где предположительно находился хозяин. Блейк обставил дом в изысканном колониальном стиле и умудрялся содержать жилье в похвальной чистоте и опрятности, хотя имел в своем распоряжении всего одного слугу.

Доктор Морхаус в сопровождении своих спутников переходил из одного помещения в другое через широко распахнутые двери и арочные проемы и наконец нашел совмещенный с библиотекой кабинет поэта — расположенную на первом этаже уютную комнату с окнами на юг, смежную со зловещим кабинетом Симеона Таннера. Вдоль стен здесь стояли стеллажи с книгами, содержание которых слуга передавал Блейку с помощью хитроумного языка прикосновений, а также толстенные брайлевские тома, которые хозяин читал сам кончиками чувствительных пальцев. Ричард Блейк, разумеется, находился на своем рабочем месте: сидел за пишущей машинкой с

заправленным в каретку листом бумаги, а на полу вокруг него валялось несколько свежееотпечатанных страниц, сдутых со стола сквозняком. Похоже, он прервал работу внезапно — вероятно, из-за дуновения холодного воздуха, заставившего его плотно запахнуть ворот домашнего халата. Он повернул голову к распахнутой настежь двери, ведущей в залитую солнечным светом смежную комнату, и застыл в напряженной позе, характерной для человека, полностью изолированного от внешнего мира за отсутствием зрения и слуха.

Сделав несколько шагов вперед и увидев лицо писателя, доктор Морхаус вдруг страшно побледнел и знаком велел своим спутникам оставаться на месте. Лишь спустя несколько мгновений он овладел собой и окончательно убедился, что зрение его не обманывает. Теперь он уже не находил странным, что памятной зимней ночью труп старого Симеона Таннера сожгли из-за *выражения лица*, ибо сейчас перед ним предстало зрелище не для слабонервных. Покойный Ричард Блейк — чья беззаботно стрекотавшая печатная машинка стихла, едва незваные гости переступили порог дома, — перед самой смертью, невзирая на свою слепоту, увидел нечто, потрясшее его до глубины души. Ничего человеческого не было в гримасе, застывшей на лице инвалида, и в остекленелом незрячем взгляде налитых кровью голубых глаз, шесть лет назад утративших способность воспринимать образы внешнего мира. Глаза эти, полные невыразимого ужаса, были устремлены на распахнутую дверь в кабинет Симеона Таннера, некогда погруженный во мрак, а ныне озаренный яркими солнечными лучами, льющимися в размурованные окна. Доктор Арло Морхаус пошатнулся от легкого головокружения, когда увидел, что даже при ослепительном свете дня чернильно-черные зрачки мертвых глаз расширены, как у кота в темноте.

Доктор закрыл эти вперенные в пустоту незрячие глаза и только потом позволил остальным войти в комнату. Он с лихорадочным усердием обследовал бездыханное тело по всем правилам, несмотря на нервное возбуждение и дрожь в руках. Об иных своих заключениях он время от времени сообщал троим спутникам, охваченным страхом и любопытством, а о других благоразумно умолчал, дабы не наводить их на тревожные размышления, каким не стоит предаваться простому смертному. Но и без доктора один из мужчин обратил внимание на растрепанные черные волосы мертвеца да разметанные по полу страницы и тихо пробормотал, что складывается впечатление, будто из смежного помещения, к которому обращено лицо покойника, сюда ворвался сильный порыв ветра — а между тем, хотя некогда замурованные окна соседнего кабинета сейчас действительно были распахнуты настежь, на протяжении всего жаркого июньского дня царил полное безветрие.

Когда один из мужчин принялся подбирать с пола свежееотпечатанные страницы, доктор Морхаус остановил его резким жестом. Он уже успел прочитать пару фраз на заправленном в каретку листе бумаги, после чего, снова смертельно побледнев, торопливо вытащил его из машинки и спрятал в карман. Теперь он почел за нужное самолично собрать все разбросанные страницы и затолкать во внутренний карман пиджака, не раскладывая в порядке нумерации. Доктора испугало не столько то, что он прочитал, сколько то, что он заметил сейчас: печать на листе бумаги, найденном в машинке, на вид несколько отличалась от печати на всех остальных страницах, каковая разница объяснялась разной силой удара по клавишам. Это смутное впечатление

напрямую увязывалось в сознании доктора с другим ужасным обстоятельством, которое он старательно скрывал от своих спутников, слышавших стук пишущей машинки всего десять минут назад, и пытался изгнать даже из собственного ума до поры, когда он останется наедине с самим собой и удобно расположится в глубоком кресле, чтобы хорошенько над всем поразмыслить. О том, какой страх вызвало у него данное обстоятельство, можно судить хотя бы по тому, что он решился его замалчивать. Все тридцать с лишним лет своей профессиональной деятельности он твердо держался того правила, что от медицинских экспертов нельзя утаивать никакие факты, — однако впоследствии никто так и не узнал, что, едва приступив к осмотру мертвого слепца с искаженным от ужаса лицом и вытаращенными глазами, он моментально понял: *смерть наступила по меньшей мере за полчаса до обнаружения тела.*

Покинув кабинет и затворив за собой дверь, доктор Морхаус в сопровождении своих спутников обошел все до единого помещения древнего здания в поисках улик, способных пролить свет на разыгравшуюся здесь трагедию. Они не нашли ровным счетом ничего. Доктор знал, что люк в кабинете старого Симеона Таннера был замурован той же ночью, когда тело затворника вместе со всеми найденными в библиотеке книгами и рукописями предали огню, и что нижний подвал и извилистый туннель под болотом были затоплены примерно тридцатью пятью годами позже, как только их обнаружили. Теперь он убедился, что никаких новых потайных помещений и ходов не появилось в этом старом доме, отреставрированном на современный лад и со вкусом обставленном.

Позвонив шерифу в Фенхэм и окружному медэксперту в Бэйборо, доктор Морхаус дождался прибытия первого. Шериф сразу же настоял на том, чтобы привести к присяге в качестве своих помощников двоих из четверых мужчин и приступить к расследованию, не дожидаясь судебного медика. Доктор, уверенный в беспомощности представителей власти перед лицом потусторонней тайны, не мог сдержать иронической усмешки, когда отъезжал от особняка вместе с фермером, в чьем доме по-прежнему оставался сбежавший слуга Блейка.

Пациент был чрезвычайно слаб, но находился в сознании и уже более или менее владел собой. Доктор Морхаус, пообещавший шерифу вытянуть из беглеца максимум информации, спокойно и тактично приступил к вопросам, на которые мужчина отвечал с готовностью и вполне разумно, затрудняясь с некоторыми ответами единственно по причине провала в памяти. Нынешнее его спокойствие, видимо, во многом объяснялось именно неспособностью вспомнить все случившееся, ибо теперь он мог рассказать лишь следующее: он находился в рабочем кабинете вместе с хозяином, когда вдруг в соседней комнате стало темным-темно — хотя еще сто с лишним лет назад окна там размуровали и крошечный мрак сменился ярким светом дня. При одном этом воспоминании, пусть даже не вполне отчетливым, пациент пришел в состояние крайнего нервного возбуждения, и доктор Морхаус был вынужден тщательнейшим образом подбирать слова, чтобы деликатно сообщить ему о смерти хозяина, вызванной сердечной недостаточностью, которая у него развилась в результате тяжелых ранений, полученных на войне. Слуга, искренне преданный увечному писателю, впал в глубокую скорбь, но пообещал сослужить ему последнюю службу, отвезя тело покойного к родственникам в Бостон по завершении официальной медицинской экспертизы.

Весьма уклончиво ответив на расспросы любопытных хозяев дома, доктор настоятельно попросил их временно приютить пациента и не подпускать его к особняку Таннера вплоть до дня отправки в Бостон тела Блейка, а потом поехал домой, дрожа от возбуждения. Наконец-то он прочитает машинописные заметки покойного поэта и получит хоть какое-то представление о кошмаре, который, преодолев преграды слепоты и глухоты, проник столь губительно в утонченный живой ум, напрочь изолированный от образов и звуков внешнего мира. Он знал наверное, что содержание рукописи фантастично и ужасно, и не спешил приступать к чтению. Аккуратно поставив машину в гараж, доктор переоделся в уютный домашний халат и расставил склянки с успокоительными и укрепляющими микстурами на столике рядом с удобным глубоким креслом, где собирался разместиться. Потом он еще немного потянул время, медленно раскладывая страницы в порядке нумерации, но не позволяя себе даже мельком взглянуть на текст по ходу дела.

Все мы знаем, как подействовала рукопись на доктора Морхауса. Никому больше не довелось бы ознакомиться с ней, если бы жена доктора не подобрала с пола рассыпавшиеся страницы часом позже, когда сам он неподвижно лежал в кресле, тяжело дыша и никак не реагируя на оглушительный стук в дверь, способный разбудить даже мумию фараона. Сколь бы жуткое впечатление ни производил сей документ — особенно ввиду явного *изменения стиля* в самом конце, — нельзя не предположить, что сведущий в местном фольклоре врач узрел в нем некий *тайный ужасный смысл*, который, к счастью, навеки останется недоступным пониманию простых смертных. Все жители Фенхэма сходятся во мнении, что из рассказней старожил и историй, услышанных в детстве от собственного деда, доктор Морхаус почерпнул некие особые сведения, в свете которых жуткие записи Ричарда Блейка приобрели новое, совершенно определенное значение, опасное для человеческого рассудка. Тогда становится понятно, почему он так долго не мог прийти в себя тем июньским вечером, почему столь упорно пытался воспрепятствовать своим жене и сыну прочитать рукопись, почему с такой неохотой поддался на уговоры последних не сжигать зловещий документ и — самое главное — почему он столь поспешно купил усадьбу старого Таннера, взорвал дом динамитом и вырубил все деревья на болоте в пределах доброй полумили от дороги. Ныне доктор категорически отказывается от любых разговоров на данную тему, и представляется очевидным, что он унесет с собой в могилу некую страшную тайну, которую миру лучше не знать.

Приведенный ниже текст рукописи скопирован с оригинала, любезно предоставленного нам Флойдом Морхаусом, сыном доктора. Несколько пропусков, отмеченных звездочками, сделаны в интересах душевного спокойствия читателей, а все прочие объясняются невразумительностью изложения в отдельных местах, где потрясенный автор, с бешеной скоростью печатавший вслепую, впадал в бессвязность или двусмысленность. В трех местах, где лакуны можно восполнить по контексту, предприняты попытки реконструкции. Об изменении стиля в конце документа лучше и не говорить вовсе. Безусловно, подобную перемену — как в части содержания рукописи, так и в части характера печати — запросто можно объяснить душевным смятением жертвы, столкнувшейся с неким ужасом, перед которым померкли все предыдущие. Умы посмелее вправе строить свои догадки на сей счет.

Итак, вот текст, написанный в проклятом доме человеком, отгороженным глухотой и слепотой от внешнего мира и оставленным на произвол неведомых сил, с какими не доводилось встречаться ни одному слышащему и зрячему. Сей текст, противоречащий всем нашим знаниям о мире, почерпнутым из физики, химии и биологии, любой логический ум сочтет плодом помешательства — помешательства, которое неким симпатическим образом передалось мужчине, успевшему вовремя выбежать из означенного дома. Нижеприведенную рукопись и вправду вполне можно считать бредом сумасшедшего, покуда доктор Арло Морхаус хранит молчание.

РУКОПИСЬ

Смутные дурные предчувствия, одолевавшие меня последнюю четверть часа, теперь перерастают в отчетливый страх. Прежде всего я твердо уверен, что с Доббсом что-то стряслось. Впервые за все время нашего совместного проживания он не ответил на мой зов. Когда он не откликнулся и на повторный звонок, я решил, что колокольчик вышел из строя, но я колотил кулаками по столу достаточно громко, чтобы разбудить даже подопечного Харона. Поначалу я предположил, что он вышел из дома подышать свежим воздухом, ибо сегодня с утра стоит страшная жара и духота, но Доббс никогда не отлучается надолго, не убедившись предварительно, что мне ничего не понадобится в ближайшее время. Странное явление, произошедшее несколько минут назад, подтверждает мои подозрения, что отсутствие Доббса вызвано не зависящими от него обстоятельствами. Именно это явление побуждает меня излагать свои впечатления и догадки на бумаге в надежде таким образом избавиться от тягостного предчувствия надвигающейся трагедии. Несмотря на все старания, мне никак не удастся выбросить из головы легенды, связанные с этим старым домом, — глупые суеверия, которыми упиваются умы неразвитые и о которых я даже не вспомнил бы, находишь Доббс рядом.

На протяжении всех лет моей изоляции от внешнего мира Доббс оставался моим шестым чувством. Сейчас, впервые за долгое время моей недееспособности, я ясно сознаю всю меру своей беспомощности. Именно Доббс заменил мне мои незрячие глаза, мои бесполезные уши, мое безгласное горло, мои парализованные ноги. На письменном столе стоит стакан воды. Без Доббса я окажусь в мучительном положении Тантала, когда мне понадобится вновь его наполнить. Гости в нашем доме большая редкость: между болтливыми сельскими жителями и слепоглухонемым паралитиком, неспособным вести с ними разговоры, мало общего, — и, вероятно, пройдет не один день, прежде чем кто-нибудь из соседей заглянет сюда. Я совсем один... компанию мне составляют лишь мои мысли — тревожные мысли, избавлению от которых ни в коей мере не способствуют ощущения, что я испытываю последние несколько минут. И сами ощущения мне не нравятся, ибо из-за них дурацкие деревенские слухи и сплетни постепенно трансформируются в моем сознании в фантастические видения, воздействующие на мои эмоции самым странным и беспримечным образом.

Такое впечатление, будто я начал писать сей текст много часов назад, но в действительности прошло всего несколько минут, ибо я только что заправил в каретку следующий лист бумаги. Привычное машинальное действие — замена отпечатанной страницы на чистую — позволило мне отвлечься от тревожных мыслей, пусть на считанные секунды, и овладеть собой. Возможно, мне удастся отрешиться от ощущения близкой опасности на время, пока я описываю события, уже произошедшие.

Сначала по дому пробежала легкая дрожь вроде той, что сотрясает дешевые многоквартирные дома, когда по мостовой с грохотом проезжает тяжелый грузовик, — но ведь это не хлипкое каркасное строение. Возможно, я просто сверхчувствителен к подобным вещам и позволяю воображению играть со мной шутки, но мне показалось, что источник вибрации находится прямо передо мной — а я сижу лицом к юго-восточному крылу особняка и простирающемся за ним болоту! Но даже если допустить, что в первый момент имел место обман чувств, то в истинности последующих своих ощущений я несколько не сомневаюсь. Мне вспомнились моменты, когда земля дрожала у меня под ногами при взрывах тяжелых снарядов и когда на моих глазах яростный тайфун швырял по волнам корабли, как щепки. Дом заходил ходуном, словно нифльхеймские грохоты, просеивающие уголь дуэргаров. Каждая половица под моими ногами тряслась, точно живое существо, претерпевающее невыносимые муки. Печатная машинка подпрыгивала на столе, и мне даже почудилось, будто клавиши испуганно стрекочут сами по себе.

Мгновение спустя все закончилось. В доме снова воцарился покой. Подозрительно глубокий покой! Трудно поверить, что после подобного явления в доме все осталось как прежде. Нет, не как прежде, — я абсолютно уверен: с Доббсом что-то случилось! Именно эта уверенность вкупе с царящим в доме неестественным покоем усугубляет страх, неотвратимо нарастающий в душе. Страх? Да, он самый — хотя я и пытаюсь убедить себя, что мне нечего бояться. Литературные критики и хвалили, и ругали мою поэзию за «пылкость воображения», как они выражались. В данный момент я готов искренне согласиться с теми, кто говорит об «излишней пылкости». Наверняка ничего особенного не произошло, иначе...

Дым! То есть слабый едкий запах, едва уловимый, но явственно различимый для моего обостренного нюха. Настолько слабый, что мне не определить, доносится ли он из какого-то помещения в доме или же втекает в открытое окно смежной комнаты, выходящее на болото. В следующий миг ощущение становится более отчетливым: теперь я уверен, что запах дыма доносится не снаружи. Обрывочные видения прошлого, страшные картины былых дней вереницей проносятся передо мной. Пожар на фабрике... истерические вопли объятых ужасом женщин, окруженных сплошной стеной огня... горящая школа... душераздирающие крики беспомощных детей, оказавшихся в огненной ловушке из-за обрушения лестниц... охваченный пламенем театр... дикое столпотворение обезумевших от паники людей, пробивающихся к выходам... и над всем этим — густые клубы черного, удушливого, губительного дыма, заволакивающие ясное небо. Тяжелые угарные волны накатывают на меня... я каждую секунду ожидаю, что вот-вот языки пламени начнут жадно лизать мои бездвижные, бесполезные ноги... у меня щиплет и жжет глаза... кровь стучит в висках... Я задыхаюсь и кашляю, пытаюсь изгнать из легких ядовитые Окипетовы миазмы... такой дым сопутствует лишь чудовищным катастрофам... едкий, смрадный, отравный, насыщенный тошнотворным запахом горелой плоти***

И вновь я остался наедине со зловещим мертвым затишьем. Свежий ветерок, овевающий мое лицо, быстро возвращает мне утраченное самообладание. Совершенно очевидно, что никакого пожара в доме нет, ибо зловонный дым бесследно рассеялся. Я не чувствую даже самого слабого запаха гари, хотя приноживаюсь, точно охотничий пес.

Я задаюсь вопросом, не сошел ли я с ума, не оказали ли годы одиночества пагубное воздействие на мой рассудок — но я слишком уверен в подлинности своих ощущений, чтобы счесть описанное выше явление простой галлюцинацией. Безумен я или нормален, я не могу воспринимать происходящие события иначе как реальность, а признание их таковой ведет лишь к одному-единственному логическому заключению, которого самого по себе вполне достаточно, чтобы вызвать психическое расстройство. Согласиться с подобным выводом — значит признать истинность суеверных слухов, которые Доббс собирал у местных жителей и записывал рельефно-точечным шрифтом, позволяющим мне читать чувствительными кончиками пальцев, — дурацких рассказней, представляющихся моему материалистическому уму полнейшим вздором!

Господи, хоть бы прекратился этот невыносимый стук в ушах! Такое впечатление, будто пара призрачных барабанчиков бешено колотит по моим ноющим перепонкам. Наверное, это просто реакция на удушье, испытанное мной минутой назад. Еще несколько сильных дуновений свежего воздуха...

Я в комнате не один! Я чувствую чье-то близкое присутствие столь явственно, словно вижу воочию. Подобное ощущение порой возникало у меня, когда я прокладывал себе путь по запруженной народом улице и вдруг нутром чуял, как чей-то цепкий взгляд выхватывает меня из толпы и пристально вперяется в меня, воздействуя на мое подсознание. Да, сейчас у меня точно такое же ощущение — только тысячекратно усиленное! Кто... что... это может быть? В конечном счете, возможно, страхи мои беспочвенны — возможно, это просто Доббс вернулся. Нет... это не Доббс. Как я и ожидал, стук в ушах прекратился, и внимание мое привлек тихий шепот... только сейчас до моего смятенного ума дошло поразительное значение сего факта... *Я стал слышать!*

Я слышу не один шепчущий голос, но множество!*** Развратное жужжание мерзких мясных мух... сатанинское гудение сладострастных пчел... протяжное шипение отвратительных рептилий... приглушенный хор нечеловеческих голосов! Он звучит все громче... вся комната дрожит от демонического пения, немелодичного, монотонного, гротескно-мрачного... дьявольский хор, исполняющий нечестивые литании... хвалебные оды мефистофельским непотребствам, положенные на музыку, сотканную из стонущих воплей погибших душ... кошмарное крещендо языческого пандемониума***

Голоса, доносящиеся со всех сторон, приближаются к моему креслу. Пение резко оборвалось, и сейчас в невнятном шепоте угадываются членораздельные звуки. Я напрягаю слух, силясь разобрать слова. Ближе... еще ближе. Теперь слова звучат отчетливо — слишком отчетливо! Лучше бы мне навсегда остаться глухим и ввек не слышать сих ужасных речей***

Богомерзкие откровения разлагающих душу сатурналий*** отвратительные сцены диких кутежей*** греховная скверна кабирийских оргий*** злобные угрозы немислимых кар***

Стало холодно. Не по-летнему холодно! Словно воодушевленный присутствием бесчисленных демонических существ, досаждающих мне, ветер, всего минутой назад ласково овевавший мое лицо, теперь яростно воет у меня над ухом — ледяной ветер с болота, что врывается в открытое окно и пробирает до костей.

Если Доббс сбежал, я его не виню. Я отнюдь не оправдываю трусость или малодушный страх, но есть вещи*** Надеюсь лишь, что он покинул дом вовремя, не успев натерпеться подлинного ужаса!

Последние сомнения рассеялись. Теперь я вдвойне рад, что все это время продолжал записывать свои впечатления... нет, я вовсе не рассчитываю, что кто-нибудь поймет... или поверит... Таким образом я просто облегчал мучительное ожидание каждого следующего симптома психического расстройства. Насколько я понимаю, сейчас у меня есть всего три выхода. Первый: бежать из проклятого дома и провести остаток дней в отчаянных, но безуспешных попытках забыть пережитый кошмар, — но ведь бежать я не могу. Второй: вступить в гнусный союз с силами столь злыми, что для них и преисподняя краше райских куц, — но на такое я никогда не пойду. И третий: умереть — да, я скорее отдам свое тело на медленное растерзание, нежели оскверню свою душу гнусной сделкой с приспешниками Вельзевула.

Мне пришлось на миг прерваться, чтобы подышать на окоченевшие пальцы. В комнате холодно, как в зловонном склепе... блаженное оцепенение охватывает меня... Надо собраться с силами и стряхнуть дремотную вялость, ибо она подрывает мою решимость умереть, — но не поддастся коварным посягательствам на мою душу... Клянусь, я буду сопротивляться до самого конца... До конца, который, я знаю, уже близок***

Ветер стал холоднее прежнего, если такое вообще возможно... ветер, насыщенный смрадом живых мертвецов*** О милосердный Боже, отнявший у меня зрение!*** Ветер такой холодный, что уже обжигает, а не студит... он превращается в палящий сирокко***

Незримые пальцы вцепляются в меня... призрачные пальцы, лишённые физической силы, а потому неспособные оторвать меня от машинки... ледяные пальцы, увлекающие меня в мерзкий водоворот порока... дьявольские пальцы, неумолимо тянущие меня в клоаку вечного зла... пальцы смерти тесно смыкаются на моем горле — у меня пресекается дыхание и незрячие глаза вылезают из орбит от дикой боли*** раскаленные иглы впиваются в виски*** твердые костяные наросты, похожие на рога*** студёное дыхание некоего давно умершего существа касается моих воспаленных губ и обжигает горящее горло холодным пламенем***

Стало темно*** но тьма эта непохожа на мрак слепоты, в котором я прожил последние годы*** непроглядная тьма вечной ночи, исполненной греха*** чернильная тьма чистилища***

Я вижу*** *spes mea Christus!**** Это конец***

* * *

Смертному уму не дано противиться силам, неподвластным человеческому воображению. Бессмертной душе не дано одолеть то, что извело бездонные глубины и обратило бессмертие в мимолетный миг. Конец? О нет! Всего лишь блаженное начало...

Перевод: Мария Куренная, 2010 год